

Историческая память
о диссидентском движении в СССР
в 1960–1980-х годах:
к методологии вопроса

В статье ставится вопрос о релевантности применения методологии теории исторической памяти к исследованию истории внутренней оппозиции советскому режиму в СССР 1960–1980-х годах. Рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию исторической памяти в зарубежной и отечественной историографии, дается оценка перспектив исследования истории диссидентского движения в СССР 1960–1980-х годов с позиций теории исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, диссидентское движение в СССР, коммуникативная память.

Более четверти века прошло с тех пор, как с политической карты мира исчезло одно из крупнейших из когда-либо существовавших государств – Союз Советских Социалистических Республик. С ним «ушло в архив» и оппозиционное движение, называемое в современной историографии «диссидентским». За это время сменились поколение граждан, политическая риторика, а также сменили друг друга несколько подходов к общественной и исторической оценке внутренней оппозиции советскому режиму.

На сегодняшний день количество материалов по истории советского инакомыслия 1950–1980-х годов достигло колоссальных объемов. Феномен советского диссидентства стал объектом различных исторических, политических, социологических, культурологических исследований, охватывающих различные аспекты: идеологию, идейные истоки и наследие, социальную базу, отношения с властью и т. д. В 1970-х годах начали публиковаться мемуары и публицистические работы, в 1980-х годах – издаваться

научные и художественные работы, посвященные этой теме. Пик количества публикаций приходится на 1990-е годы, именно тогда вышло в свет наибольшее число мемуаров¹ и научных работ².

В 2000–2010-е годы появились новые материалы, связанные с диссидентским движением: интервью с бывшими диссидентами³, некрологи и мемориальные посвящения⁴, организовывались вечера памяти известных диссидентов⁵, дискуссии в сети Интернет и в периодической печати о роли, которую сыграло диссидентское движение в процессах перестройки второй половины 1980-х годов, о целях и мотивах диссидентов и т. д.

В этих условиях исследователи диссидентского движения столкнулись с необходимостью дальнейшего структурирования материалов, однако выяснилось, что конкретно-исторический подход и методы политической истории фокусируются на сугубо определенных сторонах и изучают конкретные аспекты деятельности диссидентов. Таким образом, перед отечественными исследователями диссидентского движения назрела проблема выбора новой методологии.

В настоящее время отечественная историография активно обращается к методологии исторической памяти. Это довольно новый теоретико-методологический подход: хотя его основы были заложены еще в 1920-х годах, дальнейшее развитие он получил лишь в 1980-е годы. Теоретическая база разрабатывается на протяжении последних нескольких десятилетий – триггером выступила необходимость переосмысления травматического опыта, полученного вследствие Второй мировой войны как отдельными индивидами, так и различными группами общества.

В начале XX в. психологи Л.С. Выготский и А.Р. Лурия пришли к выводу о социальной опосредованности памяти человека и выделили термин «культурная память»⁶.

Теоретико-методологическую базу истории памяти разрабатывали ученые в разных странах. Во Франции идеи социолога М. Хальбвакса о коллективной памяти получили развитие в работах историка П. Нора: так родилась широко известная сегодня концепция символических «мест памяти». В Германии египтолог Я. Ассман на базе идей М. Хальбвакса о коллективной памяти и социальных рамках памяти разработал теорию культурной памяти. Следующим важным шагом на пути разработки проблематики исторической памяти стал труд современного британского историографа П. Хаттона, определившего наличие взаимообуславливающей связи между памятью и историографией. Отечественные историографы также внесли заметный вклад в разработку теоретико-методологической базы

исторической памяти, помещая данный исследовательский объект в поле междисциплинарности. Особенно в данном контексте стоит отметить работы Л.П. Репиной, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева⁷.

Основоположником исследования памяти с социологической точки зрения является М. Хальбвакс, который предложил рассматривать память как социальный феномен⁸. Историографы отмечают большую заслугу Хальбвакса, состоящую в том, что именно он «вывел проблему конституирования “знания”, “памяти” из биологии в сферу культуры»⁹, сформулировав тезис о том, что складывание и сохранение индивидуальной памяти может происходить лишь в процессе социализации и было бы в принципе невозможно вне социального контекста¹⁰.

М. Хальбвакс жестко противопоставлял историю и память, полагая, что история – это наука, документальные свидетельства которой воплощают более «объективный», как он считал, образ прошлого, память же «не только создает искаженный образ прошлого; она упорно цепляется за этот образ перед лицом меняющейся реальности»¹¹. М. Хальбвакс выделяет два типа памяти – индивидуальную (внутреннюю, личную) и коллективную (внешнюю, социальную). Существует как множество индивидуальных «памятей», так и несколько коллективных «памятей», т. е. различные группы могут иметь свои уникальные рамки и наполнение памяти. По мысли Хальбвакса, пока живы современники событий и носители памяти, память существует в их сознании и в устной традиции, поэтому нет необходимости ее фиксировать¹².

Противопоставление истории и памяти, как видел его М. Хальбвакс, однако, созвучно с вектором развития диссидентской историографии в 1960–1980-х годах, когда деятели движения создавали собственный вариант истории, противопоставленный формируемому на государственном уровне варианту памяти. Таким образом, идеи М. Хальбвакса вполне применимы по отношению к отдельным оппозиционным социальным общностям (таким, как диссиденты), конструирующим собственный вариант истории на основании коллективной памяти своей группы.

Стоит отметить, что современные исследователи считают спорными многие положения теории исторической памяти М. Хальбвакса, в особенности противопоставление истории и памяти. Ряд зарубежных и отечественных и авторов (П. Хаттон, Л.П. Репина и др.) считают, что «история как продукт профессионального историописания может считаться частью или видом исторической памяти, поскольку и сами историки причастны к “новому мифостроительству”, будучи вовлеченными в современную им культуру»¹³.

Одним из наиболее крупных исследователей памяти стал немецкий египтолог Я. Ассман, опирающийся в своих работах на идеи М. Хальбвакса и развивающий их в направлении культурологического подхода. Наиболее важным для нас положением автора является существование двух видов памяти – коммуникативной и культурной: к первой в той или иной степени приобщены все члены группы, знание приобретается вместе с языком и повседневной коммуникацией; вторая же всегда имеет своих носителей (шаманов, жрецов, бардов, учителей, писателей, ученых и т. д.). Культурная память в противоположность коммуникативной не распространяется сама собой, а нуждается в специальной заботе, а, следовательно, подвергается контролю со стороны социальных институтов¹⁴.

По определению Я. Ассмана, коммуникативная память живет три-четыре поколения (около 80 лет), а затем наиболее востребованные в обществе коммеморативные элементы переходят в культурную память¹⁵. С момента начала явления, которое мы называем сегодня диссидентским движением в СССР 1960–1980-х годов, сменилось два поколения, а со времени его окончания прошло всего лишь немногим более 30 лет, т. е. живы еще многие непосредственные участники движения. Так, сегодняшняя коллективная память о диссидентском движении в СССР 1960–1980-х годов является живой коммуникативной памятью в понимании Я. Ассмана.

Французский историк П. Нора, исследовавший роль коллективной памяти в самоопределении французской нации, предложил создать историю «мест памяти» – «символических объектов», важных для нации с точки зрения концентрации и фиксации тех или иных воспоминаний. Иными словами, «места памяти» не являются местами в узком географическом смысле, это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем»¹⁶. Главная функция «мест памяти» – сохранение коллективной памяти, поэтому для исследователей важно не столько материальное или историческое начало места памяти, сколько его отражение в сознании и формы его восприятия.

П. Нора полагал, что возросший в 1980–1990-е годы интерес к теме памяти был вызван на Западе и в СССР разными причинами: на Западе – естественными (ускорением исторического развития, неудержимым движением истории), в то время как в СССР память являлась альтернативой тирании официальной идеологии, символом свободы¹⁷. У бывших советских диссидентов есть свои места памяти, мы можем определить их и выявить, когда определенное место памяти получило символическое значение и каким образом

оно изменялось с течением времени. Например, важное символическое значение для бывших диссидентов имеет день политзаключенных 30 октября, отмечаемый с 1974 г., коммеморация «митинга гласности» 5 декабря 1965 г., демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г.; крайне трепетно диссиденты относятся к сохранению памяти о Холокосте и сталинских репрессиях, в том числе довоенных¹⁸.

Интересно, что П. Нора, изначально выступая за жесткое разграничение истории и памяти, приходит к выводу о том, что при всех различиях и противоречиях между памятью и историей между ними нет и не может быть абсолютного разрыва, «история является критическим углублением памяти, а память отнюдь не отрицает историю»¹⁹.

Об этом же говорит современный английский историограф П. Хаттон. Согласно его подходу, между памятью и историографией существует амбивалентная связь: «Любое историческое знание порождается памятью, которая, в свою очередь, скрывается под абстракциями историков»²⁰. Таким образом, независимо от желания исследователей память напрямую или опосредованно воздействует на историографию, поскольку сами исследователи являются носителями памяти об изучаемых ими объектах. Вследствие этого память начинает структурироваться и выдавать историографические концепты за «настоящую», живую память²¹. Следуя этой логике, мы можем говорить о влиянии на историографию советского диссидентского движения коллективной и индивидуальной памяти (чаще всего самих бывших участников диссидентского движения)²².

Современные отечественные представители направления интеллектуальной истории также внесли вклад в развитие теории исторической памяти. Л.П. Репина дает определение исторической памяти: «Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем»²³. Важно, что Л.П. Репина принимает за основу существование коллективной памяти, проецируя механизмы функционирования исторической памяти на социальные группы и общество в целом, и при этом говорит о существовании в постмодернистской парадигме преимущества коллективной памяти над историей. Однако, несмотря на это, по ее мнению, «именно мифы коллективной памяти, поддерживающие претензии той или иной общности

на высокий статус, материальные, территориальные, политические и иные преимущества в настоящем, нетерпимы к какой-либо альтернативе и тем более к плюрализму мнений»²⁴.

И.М. Савельева и А.В. Полетаев, в свою очередь, сформулировали в рамках теории исторической памяти проблемные вопросы, затрудняющие весь процесс историко-мемориальных исследований. Первый вопрос заключается в том, формируется ли коллективная память в результате объединения в стереотипные образы различных вариантов индивидуальных представлений о прошлом или же «априорная “коллективная память”, которой уже обладает общество, определяет содержание и модификацию индивидуальной памяти о прошлом»²⁵. Второй вопрос звучит следующим образом: работают ли механизмы индивидуальной памяти, когда речь идет о памяти группы, или стоит подходить к индивидуальной памяти о социальном прошлом как к производному от коллективной?²⁶ Со времен М. Хальбвакса и по сей день эти вопросы не потеряли актуальности, поскольку не имеют однозначного ответа.

Изложенные выше идеи могут быть востребованы в исследовании истории внутренней оппозиции советскому режиму в 1960–1980-х годах. Например, тезис Л.П. Репиной о важной роли идентификационной функции исторической памяти перекликается с практикой формирования идентичности «диссидентов», «инакомыслящих», «защитников прав человека» именно через принятие ценностей, образа мыслей и способов взаимодействия с государством оппозиционно настроенных по отношению к власти кругов, через сопереживание опыту жертв советских репрессий и Холокоста и др. Существующая в диссидентской историографии тенденция к определению «своей» памяти и выработке «своего» варианта истории укладывается в рамки вывода Л.П. Репиной о непринятии любой альтернативы коллективной памятью, способной поддерживать притязания ее группы-носителя на различные преимущества в настоящем. Ответы на вопросы, поставленные И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, важны с точки зрения определения релевантного корпуса источников для изучения истории диссидентского движения в 1960–1980-х годах и выявления приоритетности их изучения.

Таким образом, теоретико-методологические основания концепции исторической памяти, в частности изучение механизмов функционирования индивидуальной и коллективной памяти о внутренней оппозиции советскому режиму в СССР в 1960–1980-х годах, способны стать базой для качественно нового уровня исследования и понимания столь неоднозначного явления общественной жизни СССР, как диссидентское движение.

- ¹ См., например: *Делоне В.Н.* Портреты в колючей раме. Омск: [Б.и.], 1993; *Новодворская В.И.* По ту сторону отчаяния. М.: Новости, 1993; *Глазов Ю.Я.* В краю отцов. М.: Истина и жизнь, 1998; *Померанц Г.С.* Записки гадкого утёнка. М.: Моск. рабочий, 1998; и др.
- ² См., например: *Безбородов А.Б., Пивовар Е.И.* Диссидентское и правозащитное движение в СССР (к истории и историографии проблемы) // Рабочий класс и общественное обновление: Итоги и задачи изучения. Уфа, 1991. С. 3–28.
- ³ См., например: «Алфавит инакомыслия». Людмила Алексеева. [Электронный ресурс] // Сайт радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/2287731.html> (дата обращения: 21.09.2016); «Взрослые люди»: Беседа с С.А. Ковалёвым: В 3 ч. Ч. 1. [Электронный ресурс] // Полит.ру, 2010. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/03/17/kovalev/> (дата обращения: 21.09.2016) и др.
- ⁴ См., например: Памяти математика, педагога и диссидента Юрия Шихановича. [Электронный ресурс] // Сайт радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/a/27987477.html> (дата обращения: 17.09.2016); Памяти правозащитника, советского диссидента Леонида Плюща. [Электронный ресурс] // Права человека в России. URL: <http://tech385.hro.org/node/22424> (дата обращения: 17.09.2016).
- ⁵ См., например: Связь времен. [Электронный ресурс] // Права человека в России. URL: <http://www.hro.org/node/16609> (дата обращения: 02.10.2016).
- ⁶ *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 174–175.
- ⁷ См., например: *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45; *Она же.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–169 и др.; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. СПб.: Алетейя. Ист. кн., 2007; *Они же.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 170–220 и др.
- ⁸ См.: *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Нов. изд-во, 2007.
- ⁹ *Романовская Е.В.* Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. 2010. № 1. С. 105.
- ¹⁰ См., например: *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27; *Он же.* Социальные рамки памяти.
- ¹¹ *Романовская Е.В.* Указ. соч. С. 107.
- ¹² См.: *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память. [Электронный ресурс] // Сайт «Русского журнала». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 21.01.2016).

- ¹³ Соколова М.В. Что такое историческая память. [Электронный ресурс] // Преподавание истории в школе. URL: <http://pish.ru/blog/archives/142> (дата обращения: 27.08.2016).
- ¹⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 54.
- ¹⁵ Там же. С. 52–53.
- ¹⁶ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 26.
- ¹⁷ Нора П. Память, история // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 439–440.
- ¹⁸ Диссидентская память о Холокосте в СССР: Неофициальная память о Холокосте в СССР: пролегомены к исследованию. [Электронный ресурс] // Электрон. журн. «Гефтер». URL: <http://gefter.ru/archive/10859> (дата обращения: 18.09.2016).
- ¹⁹ Там же. С. 441.
- ²⁰ Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 62.
- ²¹ Там же.
- ²² В качестве примера подобного влияния можно привести работы А.Ю. Даниэля. См., например: Даниэль А.Ю. Диссидентство: культура, ускользающая от определений? // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 1: Семидесятые как предмет истории русской культуры. М.: О.Г.И., 1998. С. 111–124.
- ²³ Ретина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии. С. 130–131.
- ²⁴ Ретина Л.П. Историческая память и история историков // Ист. зап. Вып. 13 (131) / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М.: Наука, 2010. С. 64.
- ²⁵ Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого: Сб. ст. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 189.
- ²⁶ Там же.